

Л. А. ПЕРГАМЕНЩИК

Беларусь, Минск, БГПУ имени Максима Танка

ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ КРИЗИСА

Традиционная отечественная психология не ставит перед собой задачу изучать человека в ситуации кризиса, т. к. условием познания, ориентированного на позитивистскую модель, является остановка с последующим анализом, которую совершает не столько человек, сколько исследователь. Мы действительно не можем изучать человека во время кризисного события, у нас в это время другие задачи. Только тогда, когда событие «оставит» человека, мы можем обратиться к нему с нашим психологическим инструментарием.

Но что мы обычно изучаем? При всем разнообразии подходов к изучению личности в отечественной психологии традиционно доминирует структурно-функциональный уровень описания, который отличается неизбежной статичностью и в силу этого – определенной «невывраженностью» в понимании, что есть человек, ставший объектом нашей непомерной активности. Психология может гордиться успехами в аналитическом изучении ощущений, чувств, мышления и т. п. Но трудности начинаются, когда требуется психологически анализировать жизненные явления, оперируя нефункциональными единицами психического.

С. Л. Рубинштейн отмечал, что подлинно жизненной наукой психология может быть только тогда, когда она сумеет, не исключая аналитического изучения ощущений, чувств и т. п., психологически анализировать жизненные явления, оперируя нефункциональными «единицами» психического» [1]. Только через нефункциональные единицы психического психология допускает нас к анализу поведения человека в ситуации кризиса.

Но традиционно перед отечественной (деятельностной и марксистской) психологией не ставилась задача понять человека в кризисе, в ситуации неопределенности, в экстремальной ситуации бытия, похожего на небытие, т. к. все было заранее определено: и направление развития, и способы достижения цели, и идеал нового человека. Может быть, эта традиция по-прежнему неосознанно направляет нас на «расчленение» человека на удобные для диагностики составляющие (эмоции, мышление, потребности и т. д.), надеясь в дальнейшем, а часто и не ставя такие задачи, просто не обращая на это внимание, что человека можно как-то «собрать» в единое целое, т. к. есть все же понимание что он не существует по психологическим частям. Психологи постоянно получают результаты, которые относятся к важным составляющим человеческого существования, но с потерей целостности, а следовательно, существования.

Об этом говорил М. Мамардашвили уже в далеком 1984 г. [2], определяя эту ситуацию в терминах антропологической катастрофы. Выйти из нее можно, следуя двум правилам-принципам. Согласно онтологическому принципу Декарта, мое существование зависит от моей активности. Но, чтобы быть, надо, во-первых, превосходить себя в пространстве времени, а во-вторых, надо иметь возможность именовать место своего существования. Согласно гносеологиче-

скому принципу Канта, условием понимания мира есть обязательное включение в процедуру познания умопостигаемых, интеллигибельных объектов, позволяющих иметь человеку индивидуальное видение жизненных ситуаций благодаря обращению непосредственно к опыту, зафиксированному в общечеловеческих категориях.

Философ пессимистически оценил возможность современного ему человека преодолеть антропологическую катастрофу. Он сделал неутешительный прогноз на появление человека неопишемого, на наступление кафкианского века. Создается впечатление, что прогноз знаменитого ученого сбывается. Антропологический кризис, о котором говорил ученый, наблюдается и в социальной сфере, и в гуманитарных науках, в которых через психологию мы участвуем в понимании, что есть человек.

Гуманитарные науки сегодня так или иначе сталкиваются с двумя обстоятельствами кризиса.

Первое обстоятельство касается того, что принято называть собственно «антропологическим кризисом», затрагивающим базовые условия человеческого существования: мировоззренческая дезориентация, рост различных форм насилия, морально-правовой нигилизм и социально-психологическая аномия (деморализация, ослабление связи с обществом, отчужденность, пустота и отсутствие смысла и т. д.).

Второе обстоятельство связано с изменениями процесса порождения знаков культуры в семиозисе культуры, образной экспансией, возникновением виртуальной реальности и сетевых форм жизни. Значительная часть сообщества, особенно молодежи, уже сегодня большую часть времени своей жизни проводит в электронных сетях.

Очевидно, что перед современной психологией вновь встала потребность целостного описания личности в условиях неопределенности, разнообразия и сложностей. Появилось новое направление в психологии с определенным объектом и с неустоявшимся названием: экстремальная, кризисная, травматическая. Нам ближе термин «кризисная психология», но обоснование этого взгляда требует дискуссии и отдельного обсуждения. Кризисная психология призвана анализировать бытие человека в условиях неопределенности онтологических основ этого бытия.

Начнем с того, что новая система взаимодействия человека и мира может быть понята тогда, когда мы поменяем привычную формулу «человек и мир» на формулу «человек в мире» (Л. Бинсвангер). Этот переход даст основание к выходу на нефункциональные «единицы» психического. Этим требованиям полностью отвечает категория «событие», которая отражает и мир, и человека одновременно через фрагмент биографии и переживание этого фрагмента. Тем самым мы прокладываем путь от Л. Бинсвангера с его категорией «человек в мире» к С. Л. Рубинштейну с его более очевидной для кризисной психологии категорией «событие».

В отечественной психологии данный подход рассматривается в рамках системы (гносеологической рамки) «жизненный путь личности». Это направление

было определено Н. А. Рыбниковым, С. Л. Рубинштейном, Б. Г. Ананьевым и др. Если работы Н. А. Рыбникова были единичными в пространстве отечественной психологии и не имели сколько-нибудь заметных последствий, то уже с 70-х гг. начал формироваться целостный событийно-биографический подход (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, их единомышленники и ученики), который давал возможность через событие понять и представить жизнь как процесс личностно-ситуационного взаимодействия.

Важно, что концепция жизненного пути рассматривается в зависимости от исторического времени, в котором живет человек, учитывает изменения от рождения до смерти, от поколения к поколению, фиксирует различия в психологическом облике разных поколений людей. В рамках данного подхода при изучении биографии человека можно обнаружить и зафиксировать поворотные моменты – биографические события, которые сопровождаются принятием определенного решения и вызывают значительные личностные и социальные изменения [1; 3]. Поворотные этапы жизни изменяют жизненные ценности, смысл существования и в итоге жизненный путь личности.

Событийно-биографический подход позволяет сохранить уникальность жизненного пути каждого человека, а также фиксирует необходимость дополнения психологии развития личности психологией жизненного пути, основой периодизации которого могут стать конкретные жизненные (биографические) события, в которых как социальные явления, так и психофизиологические процессы переживаются-преодолеваются личностью. Способ переживания-преодоления событий и определяет психологическую судьбу личности.

Событийно-биографический подход нуждается в серьезном методологическом дополнении, которое он может получить и получает от экзистенциального взгляда, который стремится понять, как человек в кризисных условиях бытия борется за свое бытие, чтобы отстоять экзистенцию (К. Ясперс). Быть субъектом своей жизни – это значит осуществлять выбор субъектной позиции по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам в каждой конкретной ситуации (биографического события, если быть более точным) [4]. Мы «разрешаем» человеку стать активным организатором событий своей жизни. жизненного пространства и жизненного времени. Для жизни в «спокойные» периоды существования человек может использовать опыт поколений, в экстремальных этого бывает часто недостаточно, и он вынужден больше опираться на свои ресурсы и (или) ресурсы социальной сети поддержки.

В рамках событийно-биографической теории важнейшим фактором личностного самоопределения (преодоления кризисной ситуации) является событие, его восприятие и развертывание по времени индивидуального бытия. Так, Е. И. Головаха и А. А. Кроник представили предметом своего подхода временную перспективу личности как самосознание по временной динамике своего жизненного пути через анализ события. В построении концепции психологического времени авторы исходят из того, что любое событие жизненного пути становится понятным только при рассмотрении того, какое место оно занимает в последовательной цепи событий прошлого, настоящего и будущего.

личности [5]. Появление категории «время» в событийно-биографической психологии – знаковое явление, еще раз подтверждающее прогностические возможности данного подхода.

Для кризисной теории и практики важно, что единицей измерения психологического времени является не событие само по себе, а межсобытийная связь типа «причина – следствие» или «цель – средство». Единицей психологического прошлого является реализованная связь между двумя событиями хронологического прошлого, единицей настоящего – актуальная связь между событиями хронологического прошлого и будущего, единицей психологического будущего – потенциальная связь событий хронологического будущего. Кризисное событие может разрушить эту связь, разорвать или повредить непрерывность бытия на когнитивном, социальном, эмоциональном, историческом и других уровнях. Разрушенная связь означает задержку в развитии, когда будущее с трудом пробивается через прошлое-настоящее, что в кризисной психологии обозначается «эффектом укороченного будущего».

Актуальная связь событий, расположенных во временном пространстве жизненного пути, является существенным элементом субъективной картины жизненного пути человека. На основании осознания человеком взаимосвязей актуальных, значимых для него событий собственной жизни формируется или не формируется собственно индивидуальная концепция времени личности.

Конструктивность подобного рассмотрения жизненного пути заключается в том, что человеку «предлагают» оценивать-планировать и готовиться к предстоящим жизненным событиям, преодолевать травматическую фиксацию (капсулирование травмы) на кризисных событиях.

Предложенный гносеологический подход к пониманию человека через события его биографии (событийно-биографический подход) не гарантирует преодоления антропологической катастрофы, т. к. это задача не столько гносеологическая, сколько онтологическая, но помогает увидеть первые признаки человека неопишемого и зомби-ситуации как составляющие кафкианского века (М. Мамардашвили).

И это не так мало. С позиции, соединяющей событийно-биографический и экзистенциальный подходы, можно определить не только выбор направления жизненного пути (путь бытия или путь экзистенции [4]), но и направления стратегической психологической помощи. Пробуждение для экзистенции (К. Ясперс) есть переживание субъектом своего «бытия в мире». Быть субъектом своей жизни – это значит осуществлять выбор субъектной позиции по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам в каждой конкретной ситуации и выражение отношения к этому выбору. Быть человеком означает быть активным организатором событий своей жизни, жизненного пространства, времени жизни, что есть стратегическое направление выхода человека из экстремальной ситуации бытия.

Список использованной литературы

1. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 508 с.

2. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М. : Прогресс : Культура, 1992. – 416 с.

3. Ананьев, Б. Г. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия / Б. Г. Ананьев, М. А. Дворяшина, Н. А. Кудрявцева. – М. : Просвещение, 1968. – 335 с.

4. Гришина, Н. В. Структура проблемного поля современной психологии личности / Н. В. Гришина, С. Н. Костромина, И. А. Мироненко // Психол. журн. – 2018. – Т. 39, № 1. – С. 26–35.

5. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев : Наук. думка, 1984. – 209 с.

Н. Н. ПЕТРИАШВИЛИ

Беларусь, Минск, БГУФК

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ СЧАСТЬЯ В ПСИХОЛОГИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания.

Уже в 1930-е гг. появляются первые эмпирические исследования счастья, где применяются простые и графические типы шкал или списки из основных категорий [1]. Особенно возрос научный статус проблемы счастья в 60–70-е гг. XX в. В это время в западной, и прежде всего американской, науке стали активно проводиться социально-психологические и экспериментальные исследования различных аспектов счастья и удовлетворенности жизнью.

Следует отметить, что и в зарубежной, и в отечественной психологической литературе практически отсутствуют работы, посвященные неформальным (имплицитным) теориям счастья, в которых на эмпирическом и экспериментальном материале анализировались ценностное содержание и структура счастья в том его обыденном понимании, о котором мечтают и к которому стремятся люди в своей реальной повседневной жизни. В российской психологии И. А. Джигарьян проводилось исследование представлений о счастье и ценностного отношения к счастью [3]. В большинстве случаев в работах западных ученых, специализирующихся на проблематике счастья, проблема его содержательно-мотивационного аспекта и ценностной направленности специально не выделяется и не всегда учитывается и, как правило, недооценивается.

На наш взгляд, такая недооценка ограничивает возможности и задачи психологических исследований счастья, поскольку главным для них оказывается не субъект счастья во всей полноте и реальности своих жизненных проявлений и отношений к миру, а только формальный фактор счастья и его диагностика.